

Записки динозавра

Станислав Мелешин

Что касается забывчивости, то с этим делом у нас всё в порядке. Кто сейчас помнит о ЮПи? Таково данное друзьями кодовое наименование Юрия Григорьевича Петрова.

Продолжение. Начало в № 57

Мелешинский гром

Очередную «пакость» поэт Юрий Петров подложил мне без хихиканья.

– Тут Слава Мелешин вещичку одну изобразил, очень приличную. Давай опубликуем. И помочь надо: без денег он.

В редакции «Магнитостроя», где я тогда комиссарил, был так называемый безлюдный фонд, по-бухгалтерски – фонд оплаты работ нештатного персонала. Вёл я его, как сейчас выражаются, совершенно прозрачно. И гласно. Для контроля на ведение учёта приглашал бухгалтеров-контролёров треста «Магнитострой».

Денег было мало. Но есть просьбы, в которых нельзя отказать. Так, вопреки производственному характеру газеты, с октября 1969 года началась публикация мелешинской повести «Гром спит в колоколах». Как водится, дали малюсенькое предисловие: мол, нашего земляка Станислава Мелешина представлять не надо, новая повесть включена в сборник «Подручные Прометей» и выйдет в конце года в Профиздате. А главной героиней повести – экскаваторщик Иван Пылаев – человек труда и чистой рабочей совести. И поскольку действие повести происходит в местах, магнитогорцам хорошо знакомых, то и прочитают её с интересом.

Публикация прошла в двенадцати номерах, и никакого «грома» не предвещала. Мы были довольны, Мелешин тоже: мол, мы его крепко выручили, хотя мы так никогда не читали. Повесть меня очаровала. Автор – мы с ним как-то быстро сошлись – тоже.

Не было в нём ничего от такого властителя дум из писательской богемы. Облысевший лоб, слегка косящие светло-зелёные глаза, плотное, чуть выше среднего роста, телосложение. Молчалив и предельно скромно. Короче, ничего показушного, кроме всегда свежестырированной светлой рубашки. Но, выпив стакан любимого порвейна, – к крепкому спиртному он относился прохладно – он начинал говорить – заслушаешься.

Время от времени, измочаленный после дежурства в типографии, связанного с выпуском очередного номера газеты, с вином и пачкой писчей бумаги я шествовал к нему. Одной стороной дом его выходил на проспект Карла Маркса, другой – на МГТУ. Обычно я заставал его сидящим за газетой на подъездной скамейке вместе с неизменной подружкой Ниной Тихоновной. Она

Наш друган ЮПи

Эпизоды о неординарном человеке, оставившем след в летописи Магнитки

улыбалась, он молча и сочувственно хлопал меня по плечу и чуточку отодвигался: «Садись, отдохни». Нина уходила с моим приношением, мы посиживали, обмениваясь короткими репликами-новостями, и потом поднимались наверх.

Просторно и чисто было в его квартире. Из писательских причиндалов – только стопка бумаги да пара ручек на круглом столе

И был этот стол неприкосновенен. Даже шалая околотеатральная шпана, слетавшаяся к нему, когда Слава был при деньгах, – как она только унюхивала эти моменты! – не приближалась к его рабочему столу. Обычно я называл их халывщиками и час спустя после своего прибытия начинал их выпроваживать. А Станислав всех по очереди хвалил и всем предрекал успех. Шпана выпивала по «капле» дармового «чая» и млела. Я зверел, тем более, что крепче всех к Станиславу прилипал Юрий Петров. Арбитром выступала Нина Тихоновна: уводила меня на кухню, наливала из потаённой бутылки коньячку и чая – «Слава для тебя велел» – и шла к компании: любила многоговорение гостей.

Задесять лет знакомства-дружбы я усвоил нрав Станислава: тактичный и добрый до бесконечности. И к его характеристикам окружающей богемы относился с учётом его стремления всем помочь.

«Дорогой Владимир Абрамович! Рекомендую тебе в работники, – далее шли ф. и. о. – А лично к тебе просьба: займи мне срочно 5–6–10 рублей, т. к. я остался один. Выручай. Или приди лично. Твой Станислав Мелешин».

Писано это на излёте августа 1980-го. Явившейся богеме я сказал:

– Научитесь не только жрать на халыву, но и зарабатывать. Доите вы Мелешина, орлы беспёрые. Передай ему: буду.

Правда, не уточнил когда. Примерно в то время мы с женой явились к нему с пакетом пельменей, полуфабрикатными котлетами, чаем, маслом, хлебом, чем-то ещё. Жена моя с удивлением во взоре ответила на его вопрос, как жарить котлеты. Я тайком воткнул ему в карман трёшницу – кто давно женат, меня поймет: наши супружницы нас никогда не понимают.

Точно знал: после нашего ухода Станислав сварит чай, съест бутерброд с маслом и уткнётся в свои рукописи. Быт для него существовал лишь благодаря Нине Тихоновне.

Вспоминается, как однажды, переступив через свой принцип не интересоваться личными делами окружающих, он спросил меня:

– Ты почему не пишешь прозу?

Я притворился табуретом и спросил:

– А как?

Он показал на старорежимный комод у окна:

– А вот так: «У окна стоял комод».

И – пошёл...

И я рассказал, как ещё Борис Ручёв раздолбал одно моё новогоннее стихотворение, которое я воткнул в свой «Магнитострой», пользуясь «служебным положением», а писатель Эммануил Казакевич, будучи у нас в доме, советовал не валять дурака: если тянет к писательству, займись журналистикой.

Чувствую: не убедил я его. Не понять ему, по сей день живому классику литературного Урала, что не всем дано по-есенински цвести и «яблоком падать к чужим ногам».

Заглавия его книг заораживают: «Таёжный выстрел», «Молния в черёмухе», «Луна – свидетель», «Приговорён к любви»...

По роману «Расстрелянный ветер» в его инсценировке наш театр поставил спектакль. И стихи его звучали в унисон романтике трудового героизма того времени. Вот один из них, опубликованный в областной газете «Комсомолец» в июне 1964 года:

*«Как продолжение легенды,
У новой домны каждый час
Вновь, словно кадры киноленты,
История волнует нас...
У новой домны в час рассвета,
Под гул строительных работ,
Отцовской славы эстафету
Нам время вновь передаёт.
И солнце здесь, над стройкой новой,
Свой медлит вечный без слежка,
Чтоб домна подставляла снова
Лучам железные бока.
И в мощности её огромной,
В её обличьи родном
Воздвигнута не просто домна –
Рабочей славы вечный Дом.
И блещут зори золотые
В уральском трудовом краю.
Магнитку чествует Россия,
Как славу гордую свою.
И далеко видать отсюда!
Здесь в вечно-памятном году
Магнитка стала русским чудом
У всей планеты на виду!»*

Свидетельствую как очевидец: в стихе всё правда. Это поэтический рассказ о финише строительства девятой домны, одной из первых в моей жизни Всесоюзной ударной комсомольской стройке, первых моих знакомств с домничками... Так что представлять Станислава таким анахоретом не от мира сего не надо...

Возвращаюсь к повести «Гром спит в колоколах». Напоминаю: неприятностей ничто не предвещало. Но горкомовский гром разразился на исходе лета 1970 года – более полугода спустя после публикации мелешинской повести в «Магнитострое». «Автором» явился тогдашний секретарь горкома партии по идеологии. Не называя фамилии: его дети и внуки не виноваты...

Четверть века мне пришлось плотно сотрудничать и общаться с партийными работниками. Часть из них, будучи «избранно-выдвинутыми» в состав горкомов, райкомов и партийных комитетов, с хорошо скрытым облегчением после двух-пяти лет уходили с выборных постов на производство, обычно на повышение. На партработе им приходилось дер-

жать марку казённо-правильных чиновников. Другая часть успешно мимикрировала, моментально усваивая командный стиль, веру в свою непогрешимость и всезнайство. Выйти из этого комплекса редко кому потом удавалось. И попадались среди них форменные дуболомы.

На заседании бюро горкома тот «герой» сделал открытие: мол, секретарь парткома «Магнитостроя» Иван Васильевич Голубев и его зам по идеологии Борис Алексеевич Топорков не следят за тем, что вытворяют в их газете. Публикуют аморальную повесть Мелешина вместо рассказов о передовиках стройки. И с этим безобразием надо разобратся. Запахло не озоном, а оргвыводами.

В чёрта я тогда поверил: не иначе, как он принёс меня в горком. Я застал побледневших Голубева и Топоркова на выходе из зала заседания. Услышав о произошедшем, я вознамерился сказать, что я обо всём и всех думаю. Старшие товарищи, спасибо им, выперли меня и сплывили Юрию Петрову – крёстному отцу мелешинской публикации. Час спустя он звонил моей маме и жене домой: не волнуйтесь, мы в гостях у поэтессы Нины Георгиевны Кондратовской в двух остановках от моего дома.

Вбухав в меня стакан водки, он уложил меня на диван. Через пару-тройку часов я обнаружил его в компании «бабы Нины» и Володи Павлова – руководителя художественной студии ММК. Около моей головы лежал штрих-портрет моего носа...

История эта потихоньку рассосалась. Не без осадка для меня: я берёг свою привязанность к Станиславу и неназойливо общался с ним. Тот, кто читает мои письма, вероятно, заинтересуется: ну, и чего ты мозг паришь люду?

Не парю. Конец истории связан с ЮПи.

Приближался новый 1971 год. Я пригласил Юрия с его женой отметить Новый год к себе домой: моя мама не сильно гарцевала, жена выныньчивала сына.

Когда ЮПи вошёл в наш дом и по своему обычаю мерзко хихикнул, я насторожился. Но решил: посидим, примем по стопарю, и всё пойдёт путём. И всё шло путём. После новогоднего поздравления из Кремля Юрий Григорьевич положил на стол журнал ЦК ВЛКСМ «Смена», где официально сообщалось: повесть некоего С. Мелешина «Гром спит в колоколах» удостоена премии.

Запахло не новогодним застольем, а работой. Мы отправили женщин спать, а сами с графинчиком, капустой и селёдкой перебрались на кухню. Договорились: никакой лирики, коротко сообщаем о содержании повести, напоминаем, мол, первыми её читателями были магнитостроевцы, – и всё. Я надиктовывал, Юрий комментировал и писал. Цитирую отрывок: «Своё новое произведение магнитогорский писатель Станислав Мелешин скромно назвал «маленькой повестью». На самом же деле он сумел вместить на её «жилплощадь» жизнь и характеры многих героев, их взаимоотношения друг с другом, судьбы, психологию. Течение повести идёт неторопливо и последовательно. Лишь иногда автор позволяет отступить назад во времени».

Но это не всё. Спустя неделю я вылетал в Свердловск на последнюю сессию в Уральском госуниверситете, прихватив несколько номеров своих газет: надо было получить зачёт. Среди них был номер о некоем премированном С. Мелешине. И надо же: до Челябинска я сопутствовал секретарю горкома по идеологии, который вдребезги разнёс повесть Мелешина. Я обвёл ручкой заголовок информации об

Владимир Каганис

оценке повести журналом «Смена» и безмолвно вручил ему газету.

Но это ещё не всё. В университете куратор моей будущей дипломной работы положительно отметил информацию о Мелешине: «Молодцы, и первопубликуемые повести есть в газете». Поставил зачёт и велел готовить дипломную. Вот теперь всё.

В заключение хочу сказать вещь, нужную нам всем

По проспекту К. Маркса, 49 на фасаде дома висит безликая – типа долг исполнили и ушли – доска нашему Станиславу. Сначала она была на более заметной левой стороне фасада, но там прижился бутик с иностранной фамилией и памятная доска переехала направо. Тысячи земляков идут мимо светло-бежевого фасада, на котором также светло-бежево висит доска о Мелешине.

Я счастливо гордился тем, что увековечили память моего друга Александра Павлова: недавно его имя присвоили библиотеке-филиалу № 10. Не забыты памятью наш семейный друг Римма Дышаленкова, Владилен Машковцев, общая наша покровительница Нина Георгиевна Кондратовская. Их имена равнозначно впечатались вместе с именами знатных людей Магнитки в историю. Значит, мы умеем беречь нашу память и гордость.

Рискну обратиться к работникам управления архитектуры нашего города: поменяйте, ради бога, доску о Станиславе Мелешине, он честно заработал память о себе. Рискну даже высказать предложение. Закажите эскиз новой доски талантливому художнику, сыну фронтовика Александру Геннадьевичу Шибанову. Рискну даже предположить: он почтёт это за честь. Что касается его профессионализма, то один из его рисунков-эскизбрисов благодарно принят Папой Римским Пием XVIII. Так что с эскизом памятной доски Мелешину, думаю, он как-нибудь справится.

Пусть мелешинский гром живёт с нами.

Владимир Каганис,
член Союза журналистов России
с 1966 года